

Рвётся там, где не надо

Финехас Зейдан

Финн торчит на тренировочной площадке в неуместное абсолютно, почти ночное время – когда все нормальные люди уже успокаиваются, и упражнениями себя терзают только хронические опоздуны и птицы-психушки. Потому что Финн традиционно с утра не соображает ни черта, днем дело только-только начинает выправляться и на пик мозговой производительности египтянин выходит строго к вечеру, а то и к ночи. У мастеров же расписание строго наоборотное, они стараются занятия по большей части уложить в первую половину дня, а то и зафинтилить на утро раннее. Поэтому с мастерами Финехас конкретно расходится, по большей части времени предоставлен самому себе и упражняет себя тоже сам, как Бог на душу положит, как трава под забором.

Все приличные люди отбывают на ужин, Финн как невоспитанный басурман общий сбор в столовой игнорирует. С полным желудком на тренировке не корячатся и уж тем более вверх ногами не ходят. Финехас же как раз корячится и именно что ходит. Ходьба на руках – одно из тех полезных упражнений, которым мастера порой любят одаривать учеников и которое и в гордом одиночестве можно закреплять, с незначительным лишь риском кувыркнуться через голову и сломать себе шею. Закинув пятки за макушку и балансируя на руках, парень неторопливо, чтобы не брякнуться оземь в спешке, прохаживается по тренировочной площадке взад и вперед, наматывает убедительный метраж, чтобы зачесть самому себе искусство хождения на руках как освоенное, – а под конец ему, как на грех, приходит в голову мысль, что мастера вроде как не только ходить, но и отжиматься умеют на одних только руках.

Мастера-то, может, и умеют, а вот у Финна при попытке повторить этот трюк попросту подламываются уставшие руки. Парень летит кубарем через плечо и через голову, а плечо, пока Финехас кувыркается по земле, взрывается огненной болью. И перед глазами всё что-то мелькает, небо, что ли, в каких-то искрах, не из глаз ли часом.

Анастасия Полякова

Как-то так вышло, что за все время её нахождения в монастыре Настя никогда тренировочную площадку не посещала. Это было неудивительно, учитывая, что девушка не обучалась ни владению оружием, ни рукопашному бою. Поэтому-то и причин посещать данное место у неё не было. Собственно, она и не собиралась. Оно само вышло.

Если с теорией врачевания Настя за этот год более-менее разобралась, то с ментальной магией все было далеко не так радужно. Потому что ментальную магию девушка использовала... наугад. Она просто делала - и все. И никому, даже при всем желании, не могла пояснить, а как это у неё вышло. Исправлять данные недочеты требовалось как можно скорее, поэтому Настя засела в библиотеке в Храме Будды. И в итоге так засиделась, что пропустила начало ужина. Есть все же хотелось, а потому девушка с усталым вздохом отложила книгу и направилась к столовой. Вот только Настя и в дневное время путала, где и что, а уж вечером, когда стало темнеть, и вовсе ушла не в ту сторону.

Только она собирается исправиться и поворачивается, как на тренировочной площадке какой-то парень падает наземь. Настя в считанные секунды оказывается рядом и осторожно пытается помочь незнакомцу подняться, одновременно старательно рассматривая его ауру на наличие возможных повреждений. Вот только от испуга аура ей то видится, то нет, да и сам парень сидит-лежит в таком положении, что ничего не разобрать. Поэтому девушка, стараясь быть максимально спокойной, спрашивает:

— Ты ранен? Нужна помощь?

Финехас Зейдан

Несмотря на то, что после головокружительного полёта у него адски болит плечо, Финн, едва перестав кувыркаться по земле и поймав равновесие в сидячем положении, первым делом с тревогой крутит шеей. Плечо, его что, его до врачей донести всегда можно, даже если оно уже немного отваливается — взял во вторую руку да понёс куда там надо. С шеей сложнее, её так легко не транспортируешь, и Финехас вполне закономерно тревожится за неё сильнее.

Но нет, пронесло, шея цела и крутится исправно, как новенькая. Никакого тебе подозрительного хруста, одно счастье. С плечом вот не так радужно.

Рядом уже волнуется незнакомая Финехасу девушка; так быстро на месте инцидента появилась, как будто мастера её дежурить поставили, на случай, если кто убиться решит. Девушке Финн осмысленно и строго отвечает: — Давай для начала утвердим, что я жив и что время смерти фиксировать не надо, — а сам в это же время осторожно двигает рукой, пытаясь понять, что же у него там такое приключилось. Левое плечо болит так, словно в нем что-то рвётся изнутри при каждой попытке движения — а двигается оно, мягко говоря, не очень, залипает и не особенно слушается. Финн болезненно гримасничает, пытается припомнить, слышал ли что-то похожее на треск-и-хруст в руке, приходит к выводу, что раз вспомнить не получается, значит, ничего подобного и нет, и глубокомысленно говорит, снова поднимая глаза на девушку: — Мышца у меня, что ли, отошла, — если мышцы такое делают, конечно. — Или что она там сделала. Ты только глянь, как здорово рука пух нет, — удивлённо крутит головой Финн и пытается встать. Потому что хочешь не хочешь, а тащить себя и свое опухающее плечо в лазарет все-таки надо.

Анастасия Полякова

Словам незнакомого парня Настя спокойно улыбается: если шутит, значит, рана, как минимум, не смертельна. Так что можно не бояться и не бегать по монастырю с воплями "врача, врача!". И то хорошо. Поэтому, пока парень не очень-то осторожно крутит больным плечом, Настя осматривает его ауру, старательно вспоминая, какой цвет что означает и какой диагноз выстраивается из всего этого в целом.

— Да не крути ты рукой, — пытается утихомирить незнакомца Настя, все ещё поглядывавшая на ауру. Не хватало ей ещё, чтобы парень себе хуже сделал. Вряд ли ей после этого позволят практикой заниматься. Не в ближайший год точно. — Как тебя зовут хоть? Я Настя. Анастасия, — исправляется девушка, привыкшая, что почти все в монастыре, представляясь, называют свое полное имя.

— Просто прекрасно, — отзывается на последние слова брюнета Настя, качая

головой. Как же она надеялась, что здесь просто синяк или ушиб! Но, видимо, судьба или кто-то там еще не собирались подкидывать ей простых задач. — У тебя, вообще-то, мышца разорвана, вот рука и пухнет. Ну что, согласишься мне лечение или пойдёшь в лазарет объяснять, откуда такое “богатство” привалило?

Все было, в общем-то, не так плохо, как прозвучало. Разрыв был частичным, и с такой травмой справиться могла даже недоучка вроде Насти. Был, конечно, некий страх навредить, но в своих знаниях и силах девушка была уверена, а потому не сомневалась, предлагая свою помощь.

Финехас Зейдан

Финн вообще-то придерживается иного мнения, что рукой как раз-таки стоит покрутить, пока она ещё при нем и пока она ещё вертится. А то, недалек тот час, отвалится напрочь, и поминай как звали, и крутить придётся оставшимся ошметком. Но девушка командует так уверенно, словно она на подобных травмах уже не один десяток собак съела, поэтому египтянин подчиняется. Перестает дрыгать плечом, вежливо склоняет голову в знак послушания и, памятуя о том, что вменяемо поздороваться они так и не поздоровались, не говоря уже обо всем остальном ритуале знакомства, дисциплинированно говорит: — Здравствуй, Настя. Я Финехас, можно Финн. Приятно с тобой познакомиться, — а было бы ещё приятнее, если бы не ценой порванного трицепса, а подешевле, но уж как есть, надо и этому радоваться. — Порвана, да? — переспрашивает Финн и задумчиво оттопыривает верхнюю губу — которая у него и без того чуть выступает вперёд, а сейчас приобретает и ещё более дикий вид. Замечание Насти неплохо так объясняет бродящие под кожей остро болезненные ощущения, ну понятно тогда, что там рвётся, это мышца по волокнам лопается или что ещё она там делает. Что она там вообще может делать, самовольное создание?

— В лазарете, может, и не спросят, откуда привалило. Смотри на кого попаду, — сквозь боль ухмыляется Финн. Мастера Давенпорт, например, приложив некоторое количество усилий, наверняка можно убедить, что ранен не в результате криминальной разборки, а все остальное ей не интересно. Но желание чем-то подобным заниматься в таком раненом состоянии у Финна минимальное, а потому он честно отвечает: — Если умеешь лечить, то доверю. Ты ведь умеешь? — По деловому хвату сразу чувствуется, что наверняка да, только с лечимыми не везёт.

Анастасия Полякова

Настя чуть склоняет голову, с лёгкой улыбкой на губах принимая приветствие, пусть и несколько запоздалое. Но тут уж не вина Финна, что с парнями у девушки дурная привычка знакомится тогда, когда им плохо. Что с Маркусом тогда, в беседке, когда его мучила боль душевная, что с Финехасом сейчас, когда его терзает боль физическая. Однако печалиться из-за этого и валить все на плохую карму Настя не собирается. Тем более, что два раза - это ещё случайность. А третьего раза, для закономерности, может, и не случится.

— Может, и не спросят, — покорно соглашается Настя. — Там сегодня сифу Грей, вроде бы. Она не спросит? — заинтересованно спрашивает девушка, которая своего куратора и правда почти не знает. Как-то так вышло, что они и общались-то всего несколько раз, да и то на занятиях, так что Настя о мастере знает... почти ничего. И временами пытается такое положение дел хоть как-то исправить.

— Умею, умею, — ласково отвечает Настя, мысленно потирая руки от предвкушения. Склонностей к садизму девушка у себя никогда не замечала, но возможность применить знания на практике действительно радует. Потому что лучше сейчас, в спокойной обстановке, с возможными страхами разобраться, чем потом, в критической ситуации, замереть от этих страхов столбом.

Настя подбадривающе улыбается Финну, словно маленькому ребёнку, который боится укола, и задорно спрашивает, будто она ничуть не волнуется и каждый день лечит человек по двадцать:

— Ну что, приступим?

Финехас Зейдан

Финн умирает не настолько скоро и безнадёжно, чтобы нельзя было позадавать ему слабо имеющие отношение к делу вопросы. Поэтому в обсуждение достоинств мастеров египтянин позволяет втянуть себя с лёгкостью. Выслушивает вопрос Насти, задумчиво чешет за ухом здоровой рукой и наконец с уважением признает: — Сифу Грей, пожалуй, что и спросит. Она если что-то хочет знать, так у неё не отвертишься, — а сифу Грей почти наверняка будет интересно, где это и зачем ученик так уделался, поэтому придётся выкладывать все как на духу. У Финна, впрочем, отговорка по-своему железная: а это он сам себя, потому что не слишком умён, вот и весь рассказ. От первого до последнего слова — чистая и стройная истина, что характерно, комар носа не подточит.

Но способность сифу Грей допрашивать пострадавших и добывать из них правду сейчас рассматривается чисто гипотетически. Потому что вот перед Финехасом юная и пышущая энтузиазмом целительница Анастасия, ну так и зачем ещё ходить куда-то за километр счастья искать. Финн послушно подставляет Насте больное плечо — руку задрать в случае чего он, пожалуй что, и не сможет, но вот повернуться нужным боком, это дело левое, — и трагически просит: — Добрый доктор Франкенштейн! Будьте так ласковы, пришейте мне руку обратно, пожалуйста. Согласен на любые швы, — отношение к собственному телу в этом плане у Финна довольно халатное. Какая в строку разница, как оно все в конечном счёте будет выглядеть, главное, чтобы работало, как природа задумала.

Анастасия Полякова

Настя понятливо кивает, словно заявляет, ну вот, я же говорила, и нечего со мной спорить было, только время впустую потратили. Но говорит не обвиняюще, зло или раздраженно, говорит весело, задорно, легкомысленно. И как-то даже и не концентрирует больше внимание на том, что у парня вообще-то мышца разорвана. Помнит ещё рассказы отца, помнит его советы. Помнит, что с любым пациентом вести себя стоит спокойно, уверенно, даже если на самом деле все очень плохо и непонятно толком, что делать, как быть. В этот раз, однако, Насте все более, чем понятно, и она даже знает, как все это безобразие лечить, так что никаких проблем не предвидится.

— Шить не люблю, так что обойдемся чем-нибудь попроще, — спокойно заявляет Настя, ещё раз оглядывая боевое ранение, и думает, стоит ли сначала убрать отек или лучше прежде с самим разрывом разобраться. Очень скоро решает, что как бы там ни было, сначала стоит боль убрать. И синяя энергия осторожно обволакивает

плечо Финна, постепенно уменьшая боль до тех пор, пока не убирает её совсем. — Рано еще, не двигайся, — тут же требует девушка, которой начинает казаться, что Финн вот прямо сейчас пойдет вновь плечом шевелить, как в самом начале их знакомства, и вместе с этим вся её работа насмарку, конечно, не пойдёт, но вот в объёме увеличится, это точно.

Так, теперь оранжевой энергией убрать отек. "Надо же, работает!" - Настя в последний момент сдерживается, чтобы не произнести этого вслух. Вряд ли Финн так уж спокойно позволит ей завершить лечение, если узнает, что она, хоть и немного, но сомневалась в правильности своих действий. Теперь остаётся самое сложное. Красная энергия отыскивает место разрыва и аккуратно "сшивает" его, возвращая мышце целостность. Понемногу, потихоньку, стежок за стежком — происходящее и правда напоминает процесс шитья, и девушке остается лишь удивляться столь правильной аналогии.

Когда "зашивание" раны подходит к концу, Настя придирчиво оглядывает свою работу, словно надеется отыскать в ней какой-то изъян, но ничего не находит и убирает руки.

— Попробуй рукой пошевелить, — просит девушка, — только осторожно, — тут же предупреждает она. Будет совсем невесело, если что-нибудь там у Финна и правда развалится, как у того самого монстра, созданного Франкенштейном. Сифу Грей её за такое точно не похвалит.

Финехас Зейдан

— Я тоже шить не люблю, — соглашается Финн, мол, да, он прекрасно понимает, почему девушка тяготеет к иным способам латания ран, сам при виде нитки с иглой от восторга не прыгает. А даже если бы и любил, кто тут из них двоих отважный целитель, правильно, Анастасия целитель, значит, она и главная. Сам Финн в жизни ни единой строчки из лекций по врачеванию не слышал, ну куда ему с таким рылом да в ряды небожителей. Поэтому парень недвижимо сидит, все так же обращенный к Насте пострадавшим плечом, и смирно ждёт магических действий и чудодейственного наложения рук.

Первая магия вцепляется в руку тысячей холодных иголок и давит не только боль — вообще все давит, оставляя странное ощущение, что рука вздутая и полая, ни разорванной мышцы там нет, ни, возможно, даже костей. Общей соображалки Финехасу хватает, чтобы сообразить: это, скорее всего, магический аналог наркоза, а основное действие ещё впереди, поэтому скакать безумным павианом пока что рано. Финн послушно клянется: — Не двигаюсь. Я неподвижен, как мумия фараона, — и дальнейшего движения магии в онемевшей руке он уже не чувствует, только верит на слово, что Настя его действительно штопает, и терпеливо ждёт финала.

Команду осторожно пошевелить рукой Финехас выполняет как может. Медленно приподнимает и опускает руку, мягко водит плечом туда-сюда и признает: — Она двигается явно лучше, чем было до тебя. Большое спасибо. Насчёт всего остального не скажу — наркоз ещё не сошёл, мало что понимаю. Но раз двигается, значит, должно было срастись, — уверенно задвигает Финн. Ему кажется, это довольно верный признак исцеления, вернее придумать сложно.

Анастасия Полякова

— Надеюсь, мумией ты всё-таки не станешь, — оптимистично отзывается Настя,

которую вовсе не прельщает такой вариант развития событий. На данный момент что-то серьёзное она вряд ли вылечит. Да и от мастеров за такое ей может знатно прилететь, а выставляя себя недоучкой в глазах людей, которые столько времени в её голову все эти знания вбивали, было, по меньшей мере, стыдно.

— Спешу тебя разочаровать, но это ещё не показатель, — весело усмехается Настя. Однако, судя по ауре, все было сделано правильно: комар носа не подточит. Так что в этот раз Финн прав, а Настя может с гордостью считать, что ещё один шагок в сторону мастерства в области врачевания она только что совершила. — Да срослось, срослось, — успокаивает Финна девушка. В последнее время она настолько привыкла к своим способностям, что забывала даже один простой факт: не все видят ауры и могут по ним понять, что все в порядке. Так и Финн мог принять шутку за правду, а так издеваться над раненым было совсем не *comme il faut*.

Уйти сейчас все равно, что сбежать с середины пары. Как-то невежливо, и чувство незавершённости не покидает. Поэтому Настя оглядывается, замечает у входа скамейку и идёт к ней, попутно спрашивая:

— Это мастера тебе такое упражнение задали отрабатывать, что ты плечо повредил, или твоя инициатива была?

Финехас Зейдан

— Всё мы в долгой перспективе мумиями станем, — с наисерьёзнейшей рожей возражает Финехас. Для него это ни что иное как перепевка расхожего "когда-нибудь все умрут", а какими именно словами её, костлявую с косой, обозначить, египтянину не суть важно, вкладываемый смысл для него намного весомее внешней формы. Настолько весомее, что за небрежно кривой внешней формой этот смысл и не разглядишь иногда.

— Если было поломано и срослось — двигаться оно может начать не сразу, это да. А в обратную сторону работает как часы, — мягко спорит Финн и продолжает с наслаждением почти ерзать исцеленным плечом в разные стороны. Оно двигается, и двигается почти как положено, счастье-то какое. Рука все ещё ощущается вздутой и полой, и из-за местной анестезии её в движениях слегка ведёт на стороны, но в целом — тотальное блаженство. Финн впервые в жизни в полной мере отчётливо осознает, что сделать ему как плохо, а потом вернуть даже не как было, а хотя бы примерно как было, — это уже веский повод для совершенно неприличного, свинаячьего почти счастья.

— Своей спасительнице готов выложить все как на духу, — бодро говорит Финехас. Провожает уходящую к скамейке Настю взглядом, сам остаётся рассиживаться на прежнем месте и честно отвечает: — Мастера такое упражнение иногда и правда дают, но конкретно в этом случае я по собственной инициативе и с исключительным умением ухайдокал сам себя. На вопрос, почему я болтаюсь тут, а не наслаждаюсь ужином вместе со всеми, я даже отвечать не хочу, я лучше задам его тебе. Так почему ты не наслаждаешься ужином вместе со всеми?

Анастасия Полякова

— Нет, — качает головой Настя, которую бытие мумией не прельщает от слова "совсем", — пусть уж лучше меня кремируют, — какое-то время молчит, а затем добавляет, задумчиво оглядывая окрестности: — И развеят по ветру. Где-нибудь в горах, куда не ступала нога человека. По крайней мере, это лучше, чем храниться у

кого-то в баночке в шкафу.

То ли дело было в том, что сам Финн в начале их знакомства готовился развалиться на части, то ли в том, что уже стемнело и темнота наводила на какие-то мрачные размышления, но разговор их как-то плавно и размеренно перешел на "кладбищенскую" тематику. Теперь для полного счастья не хватало только Осириса упомянуть и пирамиды, являющиеся гробницами фараонов. И вот после этого можно идти к мастерам проверяется. Может, у них с психикой не все в порядке.

— Потому что слишком много изучаю врачевание, — отвечает Настя, так и не дойдя до скамейки, и тут же поясняет свои слова: — И из-за этого слишком мало изучаю ментальную магию. А изучить её все же надо: в теории я до сих пор плаваю.

И это было серьёзной проблемой. Интуиция интуицией, но навредить кому-то по причине незнания основ не хотелось совершенно. Да и мысль о том, что, не зная теорию, Настя может упускать львиную долю возможностей и умений, была неприятна. Ей-то хотелось на максимально возможном уровне овладеть пробудившимися у неё способностями.

Финехас Зейдан

— Или пеплом. Или чем-нибудь еще печально неживым, — миролюбиво соглашается Финехас. Ему не так уж и интересно отстаивать образ мумифицированного мертвеца, он легко готов с ним расстаться. — Но это все в перспективе, я надеюсь, очень долгой, поэтому предлагаю в долгий ящик ее и запихнуть, и больше о ней не вспоминать. Идет? — Ну, или они могут продолжить эту тему развивать и постепенно дойти до того, в какой последовательности лучше внутренние органы вынимать и стоит ли подписывать на канопах, где какие потроха лежат. Но Финехасу все же кажется, это далеко не лучшая тема для разговоров с девушкой. Даже если девушка увлекается врачеванием, а значит, в какой-то степени, и потрохами.

Когда Настя говорит, что изучает врачевание и ментальную магию, Финн с глубоким уважением кивает: мол, вот, умные люди, не то что я, уважаю умных людей. Во врачевание египтянин даже не лезет, это лес такой глухой, что вообще туда совать нос бессмысленно, уже и нос потеряется. Ментальная магия же у Финехаса так и пребывает в зачаточном состоянии, о чем он немедленно Насте и сообщает: — Во врачевании не ориентируюсь вообще и не представляю себе, как люди ориентируются. Ты героиня. В ментальной магии вообще дальше мыслеречи не хочу. Сифу Ярина пыталась в меня вложить что-нибудь еще полезное, но не преуспела, — виновато разводит руками Финн. И отмечает, что рука потихоньку отходит и отмирает, но боль не возвращается, разве только еще сидит в мышце легкое неуютное онемение, да двигается она по-прежнему не в полной мере. Но это, скорее всего, связано с тем, что мышца все еще восстанавливается, а не с тем, что там опять что-то лопнуло.

Анастасия Полякова

— Идёт, — спокойно соглашается Настя. Бешеного энтузиазма в развитии данной темы она не испытывает и совсем не против поговорить о чем-нибудь другом. Другое дело, что идей для разговора в голове как бы и нет. Все же не часто Насте приходится на ночь глядя с нерадивыми пациентами общаться. По правде говоря, вообще никогда.

На словах "ты героиня" Настя смущается окончательно. Ей собственные успехи впечатляющими совсем не кажутся: столько всего она ещё не знает, путает и не понимает, что только за голову хвататься. С другой стороны, Финна-то она вроде как вылечила и вполне успешно. Настя вновь взглянула на ауру парня, чисто для собственного успокоения — да, в том, что касалось её лечения, все было в порядке.

"Да там не сложно," — хочет сказать девушка, но одергивает себя в последний момент. Если в чакрах и магической стороне вопроса в целом она и правда уже ориентировалась и вполне уверенно лавировала, то в той же анатомии была ещё на уровне "чуть выше нуля".

— Я в менталистике тоже не очень, — тут же признаётся Настя. — Раньше в основном упирала на ментальный щит, а теперь вот интересно стало, на что ещё она способна.

— Сифу Ярина? — переспрашивает девушка, вспомнив про упомянутого парнем учителя. — Её фамилия — Миненко, нет? Лично с ней не занималась, но была у неё на мастер-классе. Тогда нужно было с помощью своих способностей, какие есть, выяснить, какой именно предмет и где она спрятала. Было здорово. Правда, я выбрала простейший путь из тех, что были мне доступны, и воспользовалась менталистикой. Но было бы здорово ещё раз на таком занятии побывать.

Финехас Зейдан

Похоже, он со своими комплиментами выступил строго когда не просили и вообще не к месту. От слов парня Настя заливается смущенной краской, так, что Финн спешно прикусывает язык. И дальше напряжённо размышляет: так, накосячил, молодец, олух, а дальше что? Настаивать на своём или попытаться небрежной ремаркой снизить убийственный эффект похвалы? Какой из двух вариантов сделает день ещё нелепее?

А, да к черту. Пусть остаётся как есть, чего уже дрыгаться теперь, слова всё одно назад не всасываются.

— Сифу Ярина — маленькая и рыжая. Очень маленькая, — чуть подумав, дополняет Финн. Фамилию крохотной мастерицы он и близко не помнит, способен лишь воспроизвести общее впечатление: что-то совсем непримечательное, короткое и несложное, но ровно по этой же причине — начисто выскальзывающее из памяти, как кусок мокрого мыла из рук. — Объясняет толково, это лично я — деревянный дурак, — другие ученики на том занятии, помнится, с тех объяснений сразу бойко подлетали примерно до потолка, только Финн оставался печально взирать на них снизу. — И что, она так просто впустила тебя к себе в сознание? Вот отважная женщина! Просто чума! Не сочти, что это в твой адрес — но с учениками ведь никогда нельзя знать наверняка, не впускаешь ли ты тем самым слона в посудную лавку, верно?

Финехас разглагольствует и параллельно потихоньку, аккуратно разминает пострадавшую руку. И, когда онемение постепенно спадает до той степени, в которой его можно уже не замечать, а рука снова более-менее вменяемо двигается, это повод прекратить расслаиваться. Встаёт, подходит к Насте, чтобы протянуть ей руку для рукопожатия, и торжественно говорит: — Я был счастлив познакомиться с тобой в этот непростой для меня момент. Мне кажется, из тебя уже совсем скоро выйдет замечательная целительница! Большое спасибо за помощь!

Ну, только глубокого поклона для полноты картины и не хватает.

Анастасия Полякова

На описание мастера Настя кивает: да, да, это точно она. К тому, что здесь люди с разных уголков света обитают и далеко не все из них могут не то, что запомнить, а произнести славянскую фамилию, девушка почти привыкла, хотя временами все же, забывшись, удивляется. С другой стороны, сама Настя тоже далеко не каждое китайское имя выговорит. А уж фамилии греков — вообще тьма! На некоторых язык заплетается так, что даже логопед не поможет.

— Верно, — спокойно соглашается Настя. Ибо мало ли, что человек, даже не специально, просто по незнанию, натворить может в чужом сознании. Хотя девушка сильно сомневается, что мастера не смогут подобного предотвратить, но элемент неожиданности и просто закон подлости никто не отменял. — Но я там с полчаса пыталась ее щит пробить, а в итоге все равно почти ничего не увидела. Думаю, она мне просто поддалась. Посмотрела на мои потуги и решила, что для моего уровня и этого хватит.

Настя поглядывает на небо, совсем уже темное, почти черное, даже звезд не видно — скрыты за облаками, и раздумывает, насколько же они тут задержались и как давно прошло время отбоя. Часов с собой нет, а на глаз ничего не определяется, и девушке остается только надеяться, что мастера их не заметят или просто внимания обращать не станут на это мелкое нарушение.

Финн разминает руку, и Настя, чисто для собственного успокоения, посматривает на его ауру. Но проблем никаких нет, и девушка окончательно успокаивается. Отвечает на рукопожатие, в очередной раз смущаясь похвалы. Ну вот что такое, спрашивается? Можно подумать, никогда ее не хвалят. Но ведь хвалят, а реагирует каждый раз вот так. И ничего тут, похоже, уже не поделаешь.

Настя думает, стоит ли благодарить за возможность применить знания на практике, ибо возможности поработать в лазарете ей как-то не выпадает совсем, но решает, что это будет не очень-то вежливо и вообще неэтично, поэтому говорит только:

— Пожалуйста. Я тоже была рада познакомиться, — и тут же, вновь взглянув на небо, добавляет: — Но думаю, пора расходиться, пока нас тут после отбоя не поймали.

Финехас Зейдан

Рассказ Насти только сильнее укрепляет Финна в подозрении, что сифу Ярина — на редкость дерзкая женщина. Отчаянно дерзкая, можно даже сказать. Это та ещё отвага, впустить незнакомого человека к себе в голову и позволять ему шурудить там добрых полчаса. А может, ещё и не одного — сколько там учеников через тот мастер-класс прошло? А сколько из них тоже возжелали решить его ментальной магией? Эти мысли чередой вспышек молний проносятся у Финна в голове и приводят в итоге к неожиданному выводу.

А сифу Ярина, похоже, довольно крута. Стоит ещё разок-другой заглянуть к ней на занятие. Вдруг и Финехасу от той отчаянной крутизны что перепадет.

— Разве уже отбой? — искренне удивляется Финн и озадаченно чешет в затылке. Звона ночного колокола он вроде как не слышал — а с другой стороны, ну понятно,

голова-два-уха, много он того колокола по вечерам слышит, неоднократно удивляется как неожиданному сюрпризу. – Да ладно, подумаешь – после отбоя. Ничего страшного, выкрутимся. Если вдруг на кого из мастеров нарвемся, делаем так: я прыгаю им в ноги, а ты беги. Рисом клянусь, я тебя не выдам, – пока же за блуждание после отбоя наказывают одним только дежурством, Финн ощущает себя наказанием упорным. Что пнем об питона, что питоном об пень, а только питон все одно к тому пню равнодушен.

Но сегодня мастера, как видно, ищут проштрафившихся учеников где-то в другой части монастыря. Никому прыгать в ноги так и не приходится, Финн и Настя благополучно добираются до жилого корпуса, там прощаются и расходятся по своим комнатам.

Никаких приключений, считай.
